

МУН Виктория Анатольевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: vamun@msal.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ВЕДЕНИЕМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ В РОССИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. В статье рассматривается ответственность духовных лиц за ведение метрических книг в России в XIX – начале XX вв., в которых фиксировались записи о рождении и крещении, браке и смерти. Статья подчёркивает роль метрических книг как важных источников доказывания правового положения людей и их влияние на семейное и наследственное право. На основе правил производства следствий о проступках и преступлениях, связанных с удостоверением метрических актов, судебной практики и законодательных актов исследуются особенности уголовной и дисциплинарной ответственности духовных лиц по делам о метрикации. Автор приходит к выводу, что по мере всё большего упорядочения и формализации процедуры ведения метрических записей духовными лицами, закреплялись все более строгие санкции за их ненадлежащее ведение в отношении духовенства, несмотря на распространённое среди дореволюционных юристов мнение, что метрические книги не считаются безусловным судебным доказательством. Среди факторов, способствовавших ошибкам в метрических книгах, следует выделить пассивность заинтересованных лиц при оформлении записей; чрезмерную нагрузку на священно- и церковнослужителей, связанную с выдачей справок по запросам граждан, административных органов и судов; а также недостаток централизованной и регулярной поддержки духовенству в ведении метрических книг.

Ключевые слова: право, метрические записи, метрические книги, рождение, крещение, брак, венчание, смерть, духовные лица, судебная практика.

MUN Victoria Anatolyevna,
candidate of law,
associate professor of the Department of History of State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

RESPONSIBILITY OF THE ORTHODOX CLERGY IN MATTERS RELATED TO THE MAINTENANCE OF METRIC BOOKS IN RUSSIA (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Annotation. The article examines the responsibility of clergy for maintaining metric books in Russia in the 19th and early 20th centuries, which recorded records of birth and baptism, marriage and death. The article highlights the role of metric books as important sources of proof of people's legal status and their impact on family and inheritance law. Based on the rules of investigation of misconduct and crimes related to the certification of metric acts, judicial practice and legislative acts, the peculiarities of the criminal and disciplinary liability of clerics in cases of metrication are investigated. The author comes to the conclusion that as the procedure for keeping metric records by clergy became more and more orderly and formalized, stricter sanctions were imposed on the clergy for their improper management, despite the widespread opinion among pre-revolutionary lawyers that metric books are not considered unconditional judicial evidence. Among the factors that contributed to errors in metric books, the passivity of interested parties in making records should be highlighted;

the excessive burden on the clergy and clergy associated with the issuance of certificates at the request of citizens, administrative authorities and courts; as well as the lack of centralized and regular support to the clergy in maintaining metric books.

Key words: law, metric records, metric books, birth, baptism, marriage, wedding, death, clergy, judicial practice.

Введение

Обязанность духовенства вести метрические книги была установлена решениями Метрополитанского собора 1646 г. В дальнейшем требования к тщательному ведению записей о крещении, венчаниях и смертях неоднократно подтверждались церковными актами. Тем не менее, нельзя утверждать о том, что эта норма строго соблюдалась. В 1702 г. вышел первый светский указ, предписывавший священникам вести метрические книги [18]. Однако требования государственных властей, судя по всему, также исполнялись с пробелами, что подтверждают положения, изложенные в Прибавлении к Духовному регламенту 1722 г. [19] и в указе 1724 г. [20].

С эпохи Петра I контролю над метрическими книгами стали уделять особое внимание. Это объяснялось их ролью как ключевого источника сведений не только с точки зрения фиксации церковных таинств — крещений, брака — но и для нужд всеобщей воинской повинности, государственной службы, налоговой системы, установления личности и определения юридических фактов в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Вопрос о юридическом значении метрических книг и актов гражданского состояния неоднократно поднимался на страницах юридической газеты «Судебный вестник»: «до какой степени в практическом отношении удовлетворительны приходские (метрические книги) и, смотря по состоянию лиц, родство коих отыскивается, дворянские родословные и городовые обывательские книги и ревизские сказки метрические книги?» [7]. Тут же на основании обобщения церковно-приходской и судебной практики, приводился ответ на сформулированный вопрос: «метрические книги — весьма ненадежный источник юридических доказательств, поскольку содержали неполноту (весьма частые пропуски) и неверность, не говоря уже о том, как трудно в большинстве случаев лицу, имеющему надобность в выписке из метрических книг, отыскать за давностью ту местность, откуда он должен получить выписку и указать время, к которому он относится» [7].

Обращает на себя внимание тот факт, что одновременно с законодательным упорядочением процесса фиксации метрических записей, предназначенных для русского православного духовенства, формализацией данной процедуры, усиливались санкции за их ненадлежащее ведение. Хотя дореволюционные ученые, среди кото-

рых К.П. Победоносцев [12, с. 118], В.М. Нечаев [2, с. 256], Д.И. Мейер [8, с. 785] сходились во мнении, что метрические записи не обладают абсолютной достоверностью как судебные доказательства, тенденция к ужесточению наказаний за нарушения в этой сфере была очевидной.

Цель данного исследования — выявить основные категории судебных дел, в которых духовные лица привлекались к ответственности за неисправное ведение записей о рождении, крещении, браке и смерти в метрических книгах в России в XIX — начале XX вв. и определить причины, по которым допускались такого рода неисправности.

Уголовная и дисциплинарная ответственность духовных лиц предусматривалась Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [21] (с изм. 1885 г.) [16] (далее - Уложение) и Уставом духовных консисторий 1841 г. [22] (с изм. 1883 г.) [23].

В случае совершения проступков по службе священно- и церковнослужители подлежали действию церковных законов только при нарушении прямых обязанностей священно- и церковнослужителя. Однако, если обнаруживались более тяжкие уголовные нарушения, то виновные отвечали по общим уголовным законам.

В работе применялись как общенаучные, так и специальные методы, включая анализ, синтез, формально-юридический, историко-правовой и прочие методы.

Дела, связанные с ведением записей о рождении в метрических книгах

Как известно, священно- и церковнослужители производили непосредственное удостоверение крещения, а о рождении вносили запись в метрическую книгу, основываясь лишь на сделанном ей показании ближайших к событию и заинтересованных свидетелей [3].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало ответственность за подлог в актах о рождении, бракосочетании или смерти, как в подлинных, так и в выдаваемых засвидетельствованных копиях таких актов. Виновные подвергались наказанию в виде лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь на поселение либо лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Сибирь или отдаче в исправительные арестантские отделения по третьей сте-

пени статьи 31 Уложения. Аналогичное наказание предусматривалось в случае, если подлог совершался лицами, на которых по закону возложено составление актов состояния или их хранение и выдача (статьи 294, 362, 1441) [24]. Указанное наказание сохранилось и в 1885 г.

В судебной практике это приводило к возбуждению дел о подлоге в метрических книгах. Например, в мае 1902 г. Киевским окружным судом с участием присяжных заседателей рассматривалось дело Анны Р., потребовавшей от Францишки Ш. передачи своего ребенка. В ходе разбирательства выяснилось, что в 1897 г. у заявительницы «от незаконной связи» родилась дочь. Анна Р., стремясь скрыть внебрачное рождение, передала младенца Францишке Ш. не на воспитание, а для внесения в метрическую запись как её (Францишки Ш.) законную дочь, при этом биологическая мать присутствовала при крещении. Францишка Ш. в суде не отрицала, что дочь биологически не её, но утверждала, что считала передачу ребёнка временной мерой для воспитания, а не для подмены записи. Она не знала, что внесение чужого ребёнка под своим именем незаконно и наказуемо как преступление, и полагала, что принимает чужого ребёнка как своего собственного. Присяжные заседатели вынесли обоим подсудимым оправдательный вердикт [13].

Поскольку духовные лица не были причастны к совершенному преступлению, они не были подсудимыми в приведенном случае. Однако подобный прецедент свидетельствует о том, что священно- и церковнослужители при внесении записей о рождении скорее действительно исходили из показаний заинтересованных лиц. Между прочим, именно по этой причине подвергался критике существовавший порядок ведения метрических книг. Так, отмечалось, что священники не обладают юридическим навыком и «деловой сухостью» для точного удостоверения гражданских прав, в связи с чем, предлагалось передать функции ведения записей о рождении, браке и смерти в светское ведомство [10].

Дела, связанные с ведением записей о браке в метрических книгах

Чинопоследование таинства венчания для священника было событием по истине ответственным: «ни одно из событий жизни человеческой не доставляет столько хлопот и опасений для священника, чем брак», слишком высока цена ошибки [9]. Одно дело, когда брачующиеся все время «прожили на глазах» у священника и совершенно иная ситуация складывалась, когда лица проживали в другой местности до брака. Так, И. в 15 лет ушел на заработки в город, оформил паспорт, через год выслал старый паспорт в обмен

на новый и вернулся домой спустя 9 лет. На просьбу И. повенчать его с невестой священник отказал, поскольку тот числился холостым только по книгам одного села. «И сколько таких И., которых подобная волокита прямо толкает на незаконное сожительство и рождение так называемых “внебрачных” детей!» [9].

Именно во избежание подобных ситуаций самими священниками предлагалось, чтобы каждый «иноприходный», вступающий в брак или каждый женатый, выбывающий из прихода в другое место жительства, получали из метрики выпись, свидетельствующую о его брачном состоянии. Без этой выписи предлагалось запретить причту из другого прихода, в котором будет жить переселившийся, «записывать женщину, говевшую в церкви, в исповедную роспись женою того-то, на основании словесного показания мужа», а тем более священнику следовало запретить без указанной выписи регистрировать законность рождения у детей лиц, которые венчались не в местной церкви [10]. Но подобная мера так и оставалась лишь на бумаге, в то время как на практике обнаруживались пробелы в праве.

Во-первых, возникали случаи венчания лиц, не достигших брачного возраста.

Согласно статье 188 Устава духовных консисторий, если священник, дьякон или причетник проводил обряд бракосочетания лиц младше брачного возраста и не проверил это должным образом, их направляли в монастырь: священника на половину срока, недостающего до гражданского совершеннолетия, а дьякона и причетника — на половину этого периода, определяемого священнику. При повторных нарушениях священнослужителей снимали с мест и назначали причетниками на шесть месяцев или дольше, в зависимости от обстоятельств; причетников отправляли в монастырь на половину недостающего времени или исключали из духовного ведомства, передавая губернскому правлению, особенно при наличии прошлых взысканий. По усмотрению епархиального начальства подвергался наказанию и священнослужитель прихода, осведомлённый о незаконном венчании, но не воспрепятствовавший его совершению [25].

Как следствие, имели место случаи, когда священно- и церковнослужители, совершившие венчание брака лиц, не достигших совершеннолетия, опасаясь ответственности и желая скрыть своё преступление, не проводили перед венчанием узаконенного обыска, не записывали брак в метрическую книгу и не признавались в его совершении, а заявляли, что проводили лишь молебен. В таких случаях духовному следователю надлежало допросить священно-церковнослужителей, венчавших брак, родителей или опекунов, свиде-

телей, свях и других лиц. Если допрошенные подтверждали факт совершения брака, то необходимо было предъявить священно- и церковнослужителям эти доказательства и допросить их повторно. Если и после этого они не признавались в венчании, то рекомендовалось проводить очную ставку между священно- и церковнослужителями и всеми ранее допрошенными лицами [14, с. 103-104].

Во-вторых, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. предусматривало ответственность за вступление лиц христианской веры в новый брак при существовании прежнего в виде лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке в Сибирь или отдаче в исправительные арестантские отделения по третьей или четвертой степени 31 статьи сего уложения (ст. 1554). Православные священники за совершение бракосочетания лица или лиц, состоящих уже в брачном союзе, подвергались взысканиям и наказаниям на основании правил, постановленных в Уставе духовных консисторий (ст. 1557) [16, с. 564].

По делам о венчании браков при жизни мужей или жён практика показывала, что такие дела могли начинаться как в духовном, так и в светском ведомстве. Если дело возбуждалось в духовном ведомстве, то консистория, удостоверившись в наличии первого брака и второго незаконного брака при жизни первой жены, делала справки по обоим бракам и передавала дело в уголовный суд. Одновременно по духовному ведомству назначалось следствие для определения степени виновности священно- и церковнослужителей, совершивших незаконный брак. В задачи следствия в духовном ведомстве по таким делам входило: раскрыть соблюдение священно-церковнослужителями законных предостерегательных правил (оглашение, проверка документов, обыск); установить, знали ли венчавшие брак священно- и церковнослужители о предыдущем браке венчающихся или были введены в заблуждение; и если знали или документы были недостаточны, то не по корыстным ли мотивам венчали брак. Эти обстоятельства учитывались при допросах священно-церковнослужителей, венчавшихся и поручителей. При самом допросе венчавших брак священно- и церковнослужителей выяснялось: кто и как объявлял о намерении вступить в брак (кому, когда, задолго ли, при ком); как объявлялось состояние (холостое или вдовое); кто предъявлял документы о безбрачии или вдовстве (когда, кому, при ком); почему приняли недостаточные документы; было ли троекратное оглашение (даты, после какой службы, кем, при свидетелях, препятствия); знали ли о предыдущем браке (если нет, доказательства); сколько получили за

венчание (кто платил, до или после); кто писал обыск, кто его подписывал (жених, невеста, поручители, кто они были) и т.д. [14, с. 123].

В-третьих, сложности вызывали вопросы об установлении степени родства и свойства при венчании. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало ответственность священников за совершение брака без соблюдения предписанных об оглашении и других предостерегательных правил: в первый раз выговору, во второй раз – отрешению от должности с воспрещением определять их вновь к приходу (ст. 2069) [26].

Как отмечал С.П. Григоровский все более затруднений в церковно-приходской практике встречалось для духовных лиц в вопросах брачного права, а именно по отделу о родстве и свойстве, как препятствиях к браку. «Согласно циркулярному указу Святейшего правительствующего Синода (далее – Св. Синод) от 19 января 1810 г. в кровном родстве по прямой – восходящей или нисходящей – и по боковым линиям брак воспрещался до четвертой степени включительно. Как следует из Указа Св. Синода от 31 октября 1875 г. № 2861, духовное родство признавалось, и браки в таком родстве воспрещались между следующими лицами: а) между восприемником и матерью им воспринятой; б) между восприемницей и отцом ею воспринятым» [4]. «Свойством называлась родственная связь, возникавшая через брак лица одного рода с лицом другого рода. Если при кровном родстве все родственники принадлежали к одной фамилии, к одному роду, в свойстве путем брака сближались, делались «своими» лица двух или трех самостоятельных родов, имевших каждый своего родоначальника» [5]. По циркулярному указу Св. Синода от 19 января 1810 г. в двухродном свойстве браки запрещались до четвертой степени включительно [5].

Для установления степени родства и свойства, в случае выявления нарушений правил о венчании, Св. Синод при решении таких дел требовал обязательного доказательства родства между повенчанными метрическими справками о рождениях и браках всех лиц, входящих в родственный союз. Если справки невозможно получить по неизвестности времени или места событий, допускались исповедные росписи. Затем следовал допрос венчавших брак священно-церковнослужителей: «знали ли они о родстве или свойстве между женихом и невестой; если нет, чем могут подтвердить; если да, то почему повенчали; знают ли теперь степень родства и через какие союзы; о рукоприкладстве под обыском, о том, спрашивали ли поручителей перед подписанием, нет ли плотского, духовного родства или свойства, и кто были свидетелями», в итоге требо-

валось собрать не менее пяти справок [14, с. 111]. Также священно- и церковнослужителей спрашивали было ли троекратное оглашение, в какие дни и не было ли кем объявлено препятствий по родству. Затем допрашивались под присягой свидетели, если на них кто-либо сослался, если же священно- и церковнослужители ни на кого поименно не сделали ссылки, то допросить церковного старосту, сторожей, церковных и сельских жителей, чаще бывающих в церкви, были ли оглашения о родственном браке и когда [14, с. 114].

Выявление родства и свойства между брачующимися представляло собой длительный и обременительный с точки зрения сбора доказательств процесс. По каждому случаю требовалось рассмотрение частных прошений в индивидуальном порядке. Очевидно, рассмотрение подобных дел затягивалось, иногда приостанавливалось и превращалось в бюрократическую рутину и судя по всему, таких случаев было много во многом ввиду отсутствия официальной позиции Св. Синода.

Только в определении Св. Синода от 30 октября 1898 г. было разъяснено, что «ни в Уставе духовных консисторий, ни в законах гражданских не содержится никаких указаний на необходимость предъявления при бракосочетании метрического свидетельства о рождении брачующегося, в связи с чем приостановление венчания браков в тех случаях, когда не оказывается по метрической книге записи о рождении жениха или невесты, но в достижении брачующимися установленного для брака возраста причты никакого сомнения не встречают, не имеет правильного и законного основания назначения в таких случаях следствия» [27].

В-четвертых, неоднозначные ситуации возникали и по поводу оглашения о предстоящем браке. В этой связи примечателен рапорт протоиерея Ираклия Лепоринского, направленный в Казанскую духовную консисторию в 1875 г. В нём сообщалось, что троекратное оглашение в Церкви, предусмотренное законом, почти нигде не проводилось, хотя в обыскных книгах отмечалось, что оглашение было совершено. Протоиерей считал данное упущение значительным, особенно в ситуациях возможного судебного разбирательства между супругами, желающими развода, или в случаях, когда развод требовался из-за близкого родства. В таких случаях сами супруги или их адвокаты могли заявить, что не все формы, обязательные по закону для вступления в брак, были соблюдены. Если бы эти формы были соблюдены, бракосочетание не могло бы состояться. Следовательно, главная вина лежит на священнослужителях, составлявших обыск и не осуществивших троекратное оглашение в Церкви [28].

Однако в церковной практике возникали и другие ситуации, иллюстрирующие сложности при венчании. Например, один священник обратился в редакцию «Церковного вестника» с просьбой к «компетентным людям решить вопрос» и положить конец затруднениям, возникающим при бракосочетаниях. В одном приходе Николай Тимофеев сосватал себе невесту Екатерину Иванову, были проведены три оглашения, при этом никто не заявил никаких препятствий, и венчание было назначено на 7 апреля. Однако 5 апреля к священнику домой пришла крестьянская девица и заявила, что Н. Тимофеев обещал при свидетелях жениться на ней, и у них есть совместный ребёнок. Священник отказал в венчании жениху Николаю и невесте Екатерине. Мировой судья, к которому обратилась девушка с ребёнком, объяснил, что рассмотрение дела займёт длительное время. В заключение священник отметил: «Если священники будут принимать все подобные заявления от девиц, то это послужит им поощрением, тогда при нынешней распущенности нравов ни одна свадьба не обойдётся без препятствий» [15].

Ещё одна ситуация, связанная с оглашениями перед браком, заключалась в неудобстве порядка, по которому венчание производилось только после получения удостоверения о проведении оглашения по месту прописки брачующихся. Например, жених был из Олонецкой губернии, невеста — из Калужской. Оба проживали в Крыму более 10 лет: он числился по паспорту холостым, она — вдовой после первого брака. Несмотря на то, что документы были в порядке, ни один священник не соглашался венчать их без оглашения в их родных приходах в Олонецкой и Калужской губерниях, что требовало значительных хлопот и времени. В итоге пара решила продолжить своё сожительство, длящееся уже несколько лет, и брак, по всей видимости, никогда не состоится. Таких ситуаций было много, особенно на Юге России. В письме, адресованном в редакцию газеты «Новое время», указывалось: «люди предпочитают обойтись без таинства брака, чем хлопотать и ждать полгода, а может быть, и год, чтобы было произведено пресловутое оглашение... По-видимому, такой порядок введён во избежание двоежёнства и двоемужества. Но в таком случае не проще ли было бы обязать священников делать отметки в паспортах брачующихся, что они такого-то числа повенчаны, и сообщать об этом в учреждения, выдавшие эти паспорта?» [6].

Дела, связанные с ведением записей о смерти в метрических книгах

Уложение содержало указание на составы преступлений по делам, связанным с ведением

записей о смерти. Так, в силу статьи 1041 Уложения священник, который похоронит мертвое тело в городе при Церкви, а не на отведённом для себя кладбище, а равно и тот, который будет уклоняться от погребения умершего, не имея к тому причин законных, подвергается за это исправительному наказанию по распоряжению духовного начальства [29].

Однако, судя по всему, случаи, связанные с внесением метрических записей о смерти по данным составам, не были распространёнными. К тому же, в целом практика дел, связанных с записями о смерти, была не столь обширна по сравнению с делами о рождении, крещении или венчании. Однако случаи неверного указания записей о смерти все же встречались. Как указывал священник А. Ушмарский «по передним консисториям не мало можно встретить страдальцев, ожидающих решения, считать ли им себя в числе живых людей или заживо ложиться в могилу» [17]. Причиной подобных неурядиц служило то, что данные фиксировались «на ходу» со слов заинтересованных лиц, в обстановке, не способствующей педантичности и аккуратному ведению записей.

Заключение

Церковно-государственное законодательство России XIX – начала XX вв. предусматривало уголовную и дисциплинарную ответственность православного духовенства по делам, связанным с ведением метрических книг в России. Наиболее распространёнными были дела, связанные с внесением записей о рождении, крещении и венчании. Обращают на себя внимание следующие факты.

Во-первых, как показывает церковно-приходская и судебная практика, действительно, случаи неверных записей в метрические книги были нередкими явлениями, приводившими к затягиванию сроков совершения конкретных юридических действий. Потерпевшими по данным делам были простые обыватели, а обвиняемыми – духовные лица, допустившие ошибку.

Одновременно священно- и церковнослужители подчёркивали, что Устав духовных консисторий гарантировал право любому лицу, чьи личные данные или сведения о члене семьи внесены в метрическую книгу, после окончания службы обратиться к священнику с просьбой ознакомить с записью события. При обнаружении ошибок допускалось требовать их исправления. Далее священники вопрошали: «Но пользуется ли общество этим правом? Кажется, в очень и очень редких случаях» [11]. Почему же сами члены общества относятся к метрическим записям с полным невниманием, нисколько не интересуясь тем, что о них

или об их близких занесено в метрическую книгу? А если так, то почему же обвиняется в небрежности и невнимательности одно лишь духовенство, безвозмездно несущее громадный труд ведения метрических и исповедных росписей? [11].

Во-вторых, следует подчеркнуть значительную нагрузку на священно- и церковнослужителей, возникавшую всякий раз, когда Синодальными указами или епархиальными распоряжениями вводились или уточнялись правила ведения метрических книг. Отдельную нагрузку на духовенство составляли запросы заинтересованных лиц и административных органов о выдаче различных справок из метрических книг.

В связи с этим священники обращались в «Церковный вестник» с вопросами относительно того, обязаны ли они выдавать справки по метрическим записям по частным запросам. В разъяснениях подчёркивалась необходимость обязательного удовлетворения подобных требований как частных лиц, так и административных и судебных органов [1].

В другом выпуске «Церковного вестника» разъяснялось, что ни в коем случае нельзя было отказывать просителям в выдаче метрических выписок. Пензенское епархиальное начальство отмечало, что в поступающих просьбах о выдаче документов — метрических свидетельств о рождении причты, как нередко объясняют в прошениях просители, не выдают по не записи будто бы в метриках или за выдачей такового. Вследствие чего просители не удовлетворяются, а в консистории возбуждается излишняя переписка. Принимая это во внимание, епархиальное начальство в апреле 1876 г. предписало духовенству Пензенской епархии, чтобы оно в случае не записи рождения кого-либо в метриках выдавало хотя бы копию с духовных росписей о пропущенном по метрикам лице, выписывая о нём с этих росписей по крайней мере за пять лет, начиная с первого года от его рождения или с того года, в котором оно в первый раз оказывалось записанным. Причём в этой копии объяснялось бы и то, что таковая выдана по тому случаю, что означенное лицо в метриках не значится записанным [30]. Конечно, подобные разъяснения только увеличивали объем работы духовных лиц.

В-третьих, судя по всему, каких-либо мер со стороны светских или церковных властей для облегчения работы священно- и церковнослужителей не предпринималось, если не считать разработку типовых форм для ведения записей и помощи в их тиражировании. Со стороны Церкви, кроме общего надзора благочинных за правильным и своевременным ведением всех вообще церковных документов — никаких мер более не

осуществлялось. В основном в распоряжениях епархиального начальства отмечались частые ошибки в метрических записях и предписывалось духовным лицам вести записи аккуратнее и требовать документы при совершении той или иной записи от заинтересованных лиц [31].

Список литературы:

- [1] В области церковно-приходской практики // Церковный вестник. 1888. № 30. С. 560.
- [2] Волков А.Ф., Филипов Ю.Д. Словарь юридических и государственных наук. Санкт-Петербург: т-во «Общественная польза», 1901–1902. Т. 1, вып. 1. 1901. 2526 стб.
- [3] Григоровский С.П. По вопросу о метрической записи события крещения // Церковный вестник. 1896. № 11. С. 359–361.
- [4] Григоровский С.П. Родство и свойство, как препятствие к браку, по ныне действующим узаконениям // Церковный вестник. 1892. № 46. С. 726–727.
- [5] Григоровский С.П. Родство и свойство, как препятствие к браку, по ныне действующим узаконениям // Церковный вестник. 1892. № 47. С. 741–742.
- [6] Из писем в редакцию // Новое время. 1900. № 8616. 22 февраля (6 марта).
- [7] Карнович Е. Юридическое значение актов состояний // Судебный вестник. 1868. № 214. С. 3–4.
- [8] Мейер Д.И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. СПб.: Н. Тиблен, 1864. 790 с.
- [9] Н.Д. Холост ли? // Новое время. 1902. № 9469. 16 (29) июля.
- [10] Павловский И.О. передаче церковных метрик в светское ведомство // Церковный вестник. 1878. № 34. С. 1–2.
- [11] По вопросу о неправильном ведении причтами метрических записей // Церковный вестник. 1892. № 19. С. 290–292.
- [12] Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Права семейственные, наследственные и завещательные. Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1871. 576 с.
- [13] Подлог в метрических книгах // Судебная газета. 1902. № 21. 26 мая.
- [14] Правила производства следствий о проступках и преступлениях, подсудных духовному суду, и об удостоверении метрических актов. Рязань: тип. Братства св. Василия, 1897. 62 с.
- [15] Священник И.Р. Непредвиденные затруднения при браках // Церковный вестник. 1885. № 36. С. 576.
- [16] Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

[17] Ушмарский А. О метрических записях // Церковный вестник. 1887. № 21. С. 361–362.

[18] Именной Указ «О подаче в патриарший Духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших» от 14 апреля 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1-е. Том IV. № 1908.

[19] Прибавление к Духовному Регламенту: «Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского» май 1722 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Том VI. № 4022.

[20] Синодский Указ «О содержании священникам метрических книг для записи рождающихся, браком сочетавшихся и умирающих, и о присылке из оных ежегодно экстрактов к Архиепископам» от 20 февраля 1724 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Том VII. № 4480.

[21] Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XX. № 19283.

[22] Высочайше утвержденный Устав Духовных Консistorий от 27 марта 1841 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Том XVI. Ч. 1. Закон № 14409.

[23] Высочайшее повеление, сообщенное Сенату ведением Святейшего Синода «О введении в действие Устава Духовных Консistorий в исправленном виде» от 9 апреля 1883 г. // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Том III. № 1495.

[24] Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Том XX. № 19283.

[25] Высочайшее повеление, сообщенное Сенату ведением Святейшего Синода «О введении в действие Устава Духовных Консistorий в исправленном виде» от 9 апреля 1883 г. // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Том III. № 1495.

[26] Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XX. № 19283.

[27] Разъяснительные постановления Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1899. № 8. 20 февраля. С. 52.

[28] Местные епархиальные распоряжения // Церковный вестник. 1875. № 31. 9 августа. С. 1–3.

[29] Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XX. № 19283.

[30] Местные епархиальные распоряжения // Церковный вестник. 1876. № 29. 24 июля. С. 6.

[31] Местные епархиальные распоряжения // Церковный вестник. 1875. № 45. 15 ноября. С. 4.

References:

- [1] In the field of parish practice//Church Bulletin. 1888. № 30. S. 560.
- [2] Volkov A.F., Filipov Y.D. Dictionary of Legal and State Sciences. St. Petersburg: Public Benefit, 1901-1902. Vol. 1, no. 1. 1901. 2526 stb.
- [3] Grigorovsky S.P. On the issue of the metric record of the baptism event//Church Bulletin. 1896. № 11. S. 359-361.
- [4] Grigorovsky S.P. Kinship and property, as an obstacle to marriage, according to the current laws//Church Bulletin. 1892. № 46. S. 726-727.
- [5] Grigorovsky S.P. Kinship and property, as an obstacle to marriage, according to the current laws//Church Bulletin. 1892. № 47. S. 741-742.
- [6] From letters to the editor//New time. 1900. № 8616. February 22 (March 6).
- [7] Karnovich E. Legal significance of acts of states//Judicial Bulletin. 1868. № 214. S. 3-4.
- [8] Meyer D.I. Russian Civil Law: Readings D.I. Meyer, ed. as per listeners ed. A. Vitsina. St. Petersburg: N. Tiblen, 1864. 790 p.
- [9] N.D. Is single ?//New time. 1902. № 9469. July 16 (29).
- [10] Pavlovsky I.O. Transfer of Church Metrics to the Secular Department//Church Bulletin. 1878. № 34. S. 1-2.
- [11] On the issue of incorrect maintenance of metric records by the clergy//Church Bulletin. 1892. № 19. S. 290-292.
- [12] Pobedonostsev K.P. Course in civil law. Family, hereditary and testamentary rights. St. Petersburg: Print V. Golovin, 1871. 576 c.
- [13] Forgery in metric books//Judicial newspaper. 1902. № 21. May 26.
- [14] Rules for the investigation of offenses and crimes under the jurisdiction of the spiritual court, and on the certification of metric acts. Ryazan: type. Brotherhood of St. Basil, 1897. 62 pp.
- [15] Priest I.R. Unforeseen difficulties in marriages//Church Herald. 1885. № 36. S. 576.
- [16] Tagantsev N.S. Penal and Correctional Punishment Code, 1885, St. Petersburg: type. M. Stasyulevich, 1886. 714 p.
- [17] Ushmarsky A. On metric records//Church Bulletin. 1887. № 21. S. 361-362.
- [18] Personal Decree "On Submission of Weekly Statements of Births and Deaths to Parish Priests in the Patriarchal Spiritual Order" dated April 14, 1702//Complete Collection of Laws of the Russian Empire (hereinafter referred to as PSZRI). Meeting 1st. Volume IV. No. 1908.
- [19] Addition to the Spiritual Regulations: "Addition on the rules of clergy of the church and the rank of monastic" May 1722//PSZRI. Meeting 1st. Volume VI. No. 4022.
- [20] Synod Decree "On the maintenance of metric books for priests for recording those born, married and dying, and on sending extracts from these annually to the Bishops" dated February 20, 1724//PSZRI. Meeting 1st. Volume VII. No. 4480.
- [21] The highest approved Code on Criminal and Correctional Penalties of August 15, 1845//PSZRI. Meeting 2nd. T. XX. № 19283.
- [22] The highly approved Charter of the Spiritual Consistories of March 27, 1841//PSZRI. Meeting 2nd. Volume XVI. part 1. Law No. 14409.
- [23] The highest command communicated to the Senate by the Holy Synod "On the enactment of the Charter of the Spiritual Consistories in a revised form" dated April 9, 1883//PSZRI. Meeting 3rd. Volume III. No. 1495.
- [24] The highest approved Code on Criminal and Correctional Penalties of August 15, 1845//PSZRI. Meeting 2nd. Volume XX. № 19283.
- [25] The highest command communicated to the Senate by the Holy Synod "On the enactment of the Charter of the Spiritual Consistories in a revised form" dated April 9, 1883//PSZRI. Meeting 3rd. Volume III. No. 1495.
- [26] The highest approved Code on Criminal and Correctional Penalties of August 15, 1845//PSZRI. Meeting 2nd. T. XX. № 19283.
- [27] Explanatory resolutions of the Holy Synod//Church statements. 1899. № 8. February 20. S. 52.
- [28] Local diocesan orders//Church Bulletin. 1875. № 31. August 9. S. 1-3.
- [29] The highest approved Code on Criminal and Correctional Penalties of August 15, 1845//PSZRI. Meeting 2nd. T. XX. № 19283.
- [30] Local diocesan orders//Church Bulletin. 1876. № 29. July 24. S. 6.
- [31] Local diocesan orders//Church Bulletin. 1875. № 45. Nov. 15. P. 4.

